

УДК 330.8

DOI: 10.34670/AR.2020.22.75.050

Теоретические основы становления многополярного мира в процессе развития политики локализации экономики

Орлов Кирилл Александрович

Соискатель кафедры торгового дела и маркетинга
Сибирский федеральный университет
660041, Российская Федерация, Красноярск, пр. Свободный, 79;
e-mail: kiryaorlov@yandex.ru

Аннотация

В работе показано, что по мнению значительного количества экспертов в современных условиях состояние крупнейших экономик мира наиболее схожим с состоянием рецессии. Действия международных институтов по выводу мировой экономики из кризиса оказались малоэффективны. В попытке понять причины возникновения кризисных явлений, авторами анализируются работы С. Глазьева и М. Хазина. Имея диаметрально противоположные взгляды на причины возникновения кризиса, С. Глазьев основной причиной считает смену мирохозяйственных и технологических укладов, в то время как М. Хазин связывает их с прогнозируемым еще К. Марксом концом капитализма. Ученые все же сходятся во мнении, что в дальнейшем картина однополярного мироустройства сменится на многополярную. В тоже время, тенденции к изоляционизму в политике ведущих государств, направленные на защиту собственных интересов свидетельствуют о наличии барьеров и неоспоримой роли государственного регулирования, что в целом вписывается в теорию многополярного мира российского ученого А. Дугина, а также соответствует взглядам зарубежных ученых-теоретиков, представляющих трансформистское направление исследований феномена глобализации, в том, что, процесс глобализации сопровождается в каком-то смысле несколько противоречащим ей процессом - локализацией экономики. Давая собственное определение процессу локализации экономики, автор акцентирует внимание на трех устойчивых изменениях в мировой экономике, позволяющих предположить, что страны БРИКС будут точками роста, формирующегося нового многополярного мира по средствам процесса локализации экономики. На их территориях влияния, в долгосрочной перспективе, должны сформироваться локальные экономические зоны (ЛЭЗ), внутри которых будет доминировать базовые региональные валюты.

Для цитирования в научных исследованиях

Орлов К.А. Теоретические основы становления многополярного мира в процессе развития политики локализации экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 8А. С. 508-516. DOI: 10.34670/AR.2020.22.75.050

Ключевые слова

Глобализация, локализация, многополярный мир, интеграционные объединения, локальные экономические зоны (ЛЭЗ).

Введение

Мировая экономика в настоящее время, по мнению автора, находится в состоянии аналогичном с «великой депрессией» 1929-1933гг. Наиболее серьезный ущерб мировому ВВП был нанесен от инициированных США торговых войн с Китаем, падением международного рынка нефти и всеобщей изоляцией вследствие пандемии коронавируса. Экспертами МВФ оценен ущерб потере мировой экономики от торговых войн примерно в \$700 млрд. только за 2020 год, а меры по нивелированию негативных последствий от экономического спада, увеличат корпоративный долг до \$19 трлн. или почти до 40% совокупного долга стран большой восьмерки, что с большой вероятностью, может перерасти в дефолт.

Малая эффективность мер по снижению последствий кризиса, предпринятых международными институтами (МВФ прогнозирует спад мировой экономики более чем на 3% в 2020г.), рост неравенства в распределении доходов, когда за пять последних лет состояние 1% самых богатейших людей Земли выросло на 44%, в то время как состояние беднейшей половины человечества за это время упало на 41%, а также дальнейшая неопределенность, вызывают рост все большего недоверия к существующей модели мироустройства, базирующейся на принципах либеральной глобализации.

Основное содержание

Предпосылки и причины вхождения мировой экономики в эпоху кризисов определил С.Ю. Глазьев, Ключевая причина и особенность кризиса, который мир переживает и в настоящее время, по мнению ученого, заключается в структурной перестройке мировой экономики, которая обусловлена сменой мирохозяйственных и технологических укладов [Глазьев, 2016]. Считается, что в мире пройдены 5 технологических укладов, в настоящий момент наступает 6 технологический уклад, ключевым фактором которого будут нано и биотехнологии. Иными словами, кризис назрел в силу объективных обстоятельств - циклического развития рыночной экономики: именно двенадцать лет считается тем классическим средним сроком, что отделяет одну рецессию от другой. Далее, по мнению С.Ю. Глазьева, высока вероятность того, что в современной ситуации разрушение существующего мирового порядка либеральной глобализации в интересах США будет сопровождаться формированием нового мирохозяйственного уклада, развитие которого будет происходить в конкуренции интеграционных структур с центрами в Китае и Индии при сохранении значительного влияния ЕС, США и ЕАЭС [Глазьев, 2020].

М.Л. Хазин отмечает, что современная турбулентность, экономическая нестабильность и неопределенность связаны с ожидаемым и прогнозируемым еще К. Марксом концом капитализма, который объясняется простой логической цепочкой: «углубление разделения труда – увеличение рисков – расширение рынков – единые глобальные рынки – остановка развития». По мнению ученого, рынки не могут расширяться бесконечно и вот, после того как распался Советский Союз, постсоветское пространство оказалось полностью под влиянием доллара и в результате больше не осталось свободных «недолларовых» рынков на Земле, что по сути ознаменовало конец капитализма [Хазин, 2012].

Авторы согласны, что все страны мира страдают от тотальной зависимости в рамках транснациональных и финансовых отношений. С распадом СССР и изменением геополитического расклада сил, экономическим ростом США в 1990-е годы за счет поглощения

некапиталистических рынков, Соединенные Штаты остались наиболее значимой с экономической страной в мире. После завершения «холодной войны» стратегия Вашингтона была направлена на консолидацию однополярной системы международных отношений, укрепление позиций США в глобализирующемся мире с использованием таких инструментов как ВТО, МФВ, ТНК.

М.Л. Хазин, разделяет точку зрения С.Ю. Глазьева, о дальнейшем переделе мирового порядка, однако механизм он описывает более детально: невозможность поддержания совокупного спроса на уровне, превышающем реально располагаемые доходы, приведет к падению уровня разделения труда и уменьшит добавленную стоимость, ввиду чего, станет нерентабельным поддержание глобальной инфраструктуры мировой системы разделения труда и она распадется на более «дешевые» фрагменты [Хазин, 2012].

В подтверждение теории М.Л. Хазина, считаем уместным подтвердить его тезис о крайне низкой возможности стимулирования совокупного спроса в США по ряду причин, например, стоит отметить, что финансовый сектор превалирует над реальным, что характерно для экономик развитых стран и в особенно для США, так-как основные богатства стали создаваться не в материальной сфере, не в производстве или за счет природной ренты, а путем мультипликации финансовых активов. Такая модель привела к тому, что доля промышленной отрасли в структуре экономик мира в период с 1970 по 2018 годы сократилась с 31% до 23%, как и доля сельского хозяйства за аналогичный период с 9,5% до 4,1%. Начиная с 2010 г. объем торгов на рынке нефтяных деривативов превосходит годовое потребление нефти в мире более чем в 10 раз [Масленников, 2015], а в ценовом выражении, в сотни раз.

Валовой национальный долг (суверенный долг США), т.е. сумма размещенных долговые обязательства, выпущенных казначейством США, по состоянию на 11 февраля 2019 г. равнялся 22 трлн долл., что на несколько процентных пунктов больше ВВП страны. Для сравнения: в 1988 г. его величина достигала 1/2 ВВП. Две трети госдолга составляет так называемый публичный долг (т.е. обязательства федерального правительства перед физическими лицами, компаниями, иностранными государствами и другими инвесторами, не относящимися к федеральным органам власти); по состоянию на конец 2018 г. он был равен 78% ВВП. Одна треть госдолга - это внутриправительственный долг, т.е. обязательства перед федеральными агентствами, например, государственными пенсионными фондами [Луцкая, 2019].

Также, не решена проблема снижение реальных доходов населения США и закредитованности американских домохозяйств. На момент начала «острой» стадии кризиса, осенью 2008 года, долги американских домохозяйств превысили 130% их располагаемого дохода. Данные суммы усилиями сократились до примерно 109%, таким образом, средний объем потребительского долга на одно домохозяйство составляет около 70 тысяч долларов [Манахова, 2014]. Но если учетная ставка поднимется с нынешнего 0% до 2-2.5%, то резко вырастут и процентные платежи домохозяйств (как минимум, в полтора-два раза с нынешних размеров) и повторение долгового кризиса будет практически неизбежно.

На наш взгляд, концептуально, авторы имеют противоположные точки зрения, С.Ю. Глазьев считает экономическую систему объективной, а проблемы ее функционирования в интересах одной страны - США происходят из-за ошибочных действиями американских властей. М.Л. Хазин же, считает, что экономическая система сразу же была обречена на гибель, после того как стала функционировать в интересах одной страны, а действия американских властей, только отдаляли/приближали неизбежное. Однако, ученые сходятся в том, что дальнейшая картина мироустройства сменится с однополярной на многополярную.

Напомним, что на сегодняшний день существует достаточно большое количество концепций трансформации мирового порядка, однако все они развиваются в двух направлениях геополитических теорий и доктрин. Первое направление базируется на классических геополитических постулатах глобального господства, осуществляемого из одного центра силы - США. Это такие концепции как: концепция «конца истории» (Фрэнсис Фукуяма), концепция «глобального хаоса» (Джон Мирсхаймер), концепция «многоуровневой взаимозависимости» (Джозеф Най), концепция «единственной сверхдержавы» (Збигнев Бжезинский). Второе направление составляют геополитические концепты, детерминированные новыми явлениями и процессами, по сути, альтернативой однополярной гегемонии США. Наиболее типичными из них являются: концепция «регионального детерминизма» (Генри Киссинджер) и концепция «военно-силового доминирования» (Ганс Моргентау).

В тоже время, тенденции к изоляционизму в политике различных государств, направленные на защиту собственных интересов свидетельствуют о наличии барьеров и неоспоримой роли государственного регулирования. Примером тому может служить решение Великобритании о выходе из ЕС или о так называемом Brexit, попытки экономической изоляции России или прошедший референдум за выход из состава своих стран в Каталонии и Иракском Курдистане. Действия президента США Д. Трампа, а именно, вывод США из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), ограничения потока трудовых мигрантов в США, намерения вернуть в США производства из стран Третьего мира, направлен на снижение внешнеполитической активности США и сосредоточению на собственных проблемах, в целом, противоречат общим тенденциям глобализации.

Данные тенденции полностью соответствуют теории многополярного мира российского ученого А.Г. Дугина. По его мнению, сохранение национальных государств в период формирования многополярного мира необходимо только в том случае, если эти государства препятствуют процессу глобализации, а не способствуют ей. Такая позиция полностью противоположна глобалистам, так как национальные государства, проводящие политику вестернизации, по мнению сторонников многополярного мира, не заслуживают сохранения и не имеют ценности, являясь лишь разновидностью глобализационного инструментария. Если же политика национального государства направлена на сохранение своей самобытной культуры, религии и т.д., то такое государство следует поддерживать и сохранять, для его дальнейшего развития в более гармоничную структуру в рамках социологического плюрализма в рамках многополярной теории. Позиция глобалистов прямо противоположна во всем: национальные государства, служащие фасадом традиционному обществу (такие, как Китай, Россия, Иран и т.д.) они призывают демонтировать, а национальные государства с прозападными режимами, — Южная Корея, Грузия, страны Восточной Европы, — напротив, укрепить [Дугин, 2013].

Стоит отметить, что в Концепции геополитического развития России на период до 2050 г. определено, что геополитические интересы страны состоят в формировании многополюсного мира, а в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. прямо говорится о превращении России в мировую державу, деятельность которой будет направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.

Таким образом, мировая экономика в XXI веке развивается через противоречия между глобальным характером и интересами государств на мега- и макроэкономическом уровнях. Соответственно и выбор механизмов, направленных на устойчивое социально-экономическое развитие и укрепление экономической безопасности для государств и экономик мира может

различаться в зависимости от ситуации, но бесспорным остается факт, что для современной экономики характерны процессы политико-экономического контроля, особенно в условиях продолжающейся активизации интеграционных процессов, когда большая часть мирового товарооборота приходится на долю уже действующих интеграционных объединений, в том числе на ЕС-28%, НАФТА, АСЕАН, МЕРКОСУР - 54% мирового товарного экспорта и 57% товарного импорта, и между ними тоже происходит перераспределение позиций. Р.И. Хасбулатов отмечает, что с конца прошлого века наблюдается некоторое снижение доли ЕС, НАФТА и некоторое увеличение АСЕАН, МЕРКОСУР в мировом экспорте [Хасбулатов, 2015].

Процесс глобализации сопровождается в каком-то смысле несколько противоречащим ей процессом - локализацией экономики. Данный процесс охватывает страны или группы стран примерно на одинаковых стадиях экономического развития и в интересах собственной политики экономической безопасности, создающих альянсы или объединения (макро- и мегауровни) на взаимовыгодных условиях.

Если на протяжении почти трех десятилетий понятие «глобализация» используется учеными для обозначения нарастающей экономической, социально-культурной и политической взаимозависимости мира [Chanda, 2007], то процесс локализации в научной литературе не нашел общепринятого определения, как и вообще должного внимания исследователей. На наш взгляд, локализацию экономики можно определить, как особое состояние экономики, характеризующееся целенаправленной ориентацией на преимущественное развитие ее внутреннего потенциала, с элементами ограничения внешних экономических связей, возникающих под воздействием внутренних и/или внешних факторов. Характер, как и степень влияния этих факторов на состояние экономики страны, отличается большим разнообразием, так как имеют различные основы своего происхождения: историко-культурные, географические, политические и социально-экономические [Орлов, Фалалеев, 2015].

Взаимоотношения процессов глобализации и локализации наиболее последовательно отражены в работах известных зарубежных ученых-теоретиков, представляющих трансформистское направление исследований феномена глобализации: Р. Робертсон, Э. Гидденс, А. Аппадурай, У. Бек, У. Ханнерц, М. Уотерс, Д. Томлинсон, Д. Хэлд, Г. Тербон, М. Фезерстоун, Д. Урри, Д. Фридман, А. Джонс, Дж. Питерс, А. Дирлик, Д. Ховес, У. Шуэркенс, П. Бергер, М. Кастельс и др. Трансформистами признается растущая роль государства в виде защитного механизма, направленного на сохранения собственного суверенитета, как реакцию на глобальные вызовы, где суть реакции государства заключается в изменении характера связей между государственной властью, территориальной целостностью и суверенностью. Обобщая позицию трансформистов, необходимо подчеркнуть, что глобализация, хоть и является противоречивым и неоднозначным процессом, под влиянием которого происходит трансформация всех сфер общества, но все же остается ключевым феноменом, сочетающим в себе тенденции глобализации и локализации [Асютина, Орлов, Фалалеев, 2018].

На наш взгляд, стоит акцентировать внимание на том, что позиции трансформистов базируется на двух теориях – «детерриторизации» и «глокализации». Давая характеристику этих концептуальных теоретических моделей, нельзя не отметить, что концепция детерриторизации выражена в идее принципиальной трансформации отношений между местом жительства, культурными, социальными практиками, опытом и идентичностью. Детерриторизация - ключевой аспект трансформации культуры, государства и всех аспектов локального в условиях глобализации. Концепт «глокализация» демонстрирует две стороны глобализации как синтез глобализации и локализации. Теория глокализации опирается на теорию гибридизации, которая

описывает особенности феномена слияния культур колониального и постколониального мира.

Нам представляется, очевидным, что кульминационным моментом процесса глобализации (предполагающего создание единого мирового государства) является однополярный мир, в то время как у процесса локализации – многополярный. По этому поводу, А.Г. Дугин в своей теории многополярного мира пишет следующее, что из-за хрупкости и расшатанности национальных государств, все большее значение приобретает цивилизационный и религиозный фактор. Этот набор явлений, которые сопровождают глобализацию по факту и являются следствиями ослабления прежних моделей миропорядка (государственного и идеологического), заслуживают позитивного внимания и становятся элементами многополярной теории. Побочные эффекты глобализации возвращают общества к конкретному пространственному, культурному и подчас религиозному контексту. Это означает усиление роли этнической идентичности, рост значения конфессионального фактора, повышенное внимание к локальным общинам и проблемам. Если суммировать эти явления, то они вполне могут быть осознаны как стратегические позиции многополярного миропорядка, которые надо фиксировать, закреплять и поддерживать. В «глокализации», описываемой Робертсоном, многополярность заинтересована в «локализации», с которой полностью солидарна. Робертсон считает, что процессы «глокализации» не предрешены, и могут качнуться в ту или иную сторону. Принимая этот анализ, сторонники многополярного мира должны сознательно прикладывать усилия, чтобы процессы качнулись в «локальную» сторону и перевесили «глобальную» [Дугин, 2013].

Нам представляется очевидным, что противоречивость развития современной экономики проявляется, с одной стороны, в вовлечение в процесс глобализации, а с другой, в стремлении сохранить национальную идентификацию в форме локализации экономики. Данное утверждение, на наш взгляд, подтверждают три устойчивых изменения в мировой экономике, которые отслеживаются авторами с 2000 года [Орлов, 2018]:

1. Стремление стран диверсифицировать импортные потоки так, чтоб не допустить превалирования в них продукции одной страны, такая политика характерна и для экономик крупных стран и положительно сказывается на экономической безопасности страны, ввиду наличия альтернатив при возможных угрозах извне.

2. Снижение влияния развитых стран на отдельные территории, если их воздействие на экономическую жизнь данной территории перестает быть решающей или оказывает явно негативный характер. Свободное пространство осваивается наиболее значимыми партнерами. Возрастающая неопределенность, проявляющаяся в снижении зон влияния мировых лидеров на экономики разных стран, может говорить об усилении противостояния между этими лидерами и развивающимися странами, ищущими новые рынки сбыта, такими как государства Азиатско-Тихоокеанского региона и некоторые другие страны.

3. Повышение роли территориального лидера, оказывающего влияние на экономическую ситуацию в регионе, например Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР.

Уже сейчас место, которое страны БРИКС занимают в мировой экономике, не может не поражать, их все чаще сравнивают с G7. На эту «пятерку» приходится 40% населения планеты, 20% мирового ВВП и 15% международной торговли. Экономический разрыв между странами БРИКС и G7 с каждым годом все более сокращается. С учетом паритета покупательной способности доля Канады, Франции, Германии, Японии, Италии, Великобритании и США в мировом ВВП уменьшилась с 48% в 2001г. до 29% в 2019 г., в тоже время доля БРИКС, наоборот, увеличилась за этот период с 18% до 32% [Smirnov S. et al., 2019]. Страны БРИКС на протяжении последних лет также увеличили свою долю в накопленном объеме экспортируемых

мировых ПИИ с 1,8% до 4,5% в период 2008-2018 гг. Такая динамика демонстрирует усиление инвестиционной экспансии корпораций из государств БРИКС на внешние рынки, реализуемой с помощью инвестиционных стратегий, которые, в свою очередь, становятся базой для закрепления лидерских позиций стран на глобальном рынке.

На наш взгляд, есть все основания полагать, что страны БРИКС будут теми точками роста, формирующегося нового многополярного мира по средствам процесса локализации экономики. На территориях влияния региональных лидеров, в долгосрочной перспективе, должны сформироваться локальные экономические зоны (ЛЭЗ), внутри которых будет доминировать базовая региональная валюта, построенная на фиатных принципах. Обмен валютой между союзами, предположительно, будет базироваться на клиринговых принципах и привязке к золоту. Ключевым преимуществом ЛЭЗ будет: снижение потерь от конвертации валют и постепенное нивелирование различий в относительных ценах, вызванных колебанием номинального валютного курса; уменьшение транзакционных издержек и большая предсказуемость интегрированных рынков; меньшему уровню волатильности валюты, за счет снижения спекулятивных операций. По нашему мнению, велика вероятность образования ЛЭЗ на базе евро – зона ЕС, доллара – зона Северной Америки, юаня – зона Китая и страны юго-восточной Азии, рупии – зона Индии, рубля – зона ЕАЭС и возможно зона реала – Южная Америка. Сохранение лидерства внутри локальных экономических зон возможно путем внутреннего самообеспечения, с одной стороны, и укрепления взаимодействия и обмена соответствующими ресурсами с партнерами на взаимовыгодных, равноправных условиях, с другой.

Заключение

Не вызывает сомнения, что процессы формирования ЛЭЗ требуют дальнейшего исследования. Открытым остается ряд важных вопросов, например, по какому принципу выстраивать региональные системы разделения труда, как СССР, ЕС (теория оптимальных валютных зон, предложенная Робертом Манделлом) или возможны другие варианты, за счет чего стимулировать спрос внутри зон, как должны быть устроены валютные системы этих зон и как они будут взаимодействовать друг с другом.

Касаемо локальной экономической зоны ЕАЭС, где лидером должна быть Россия, то, по словам президента РФ В. Путина, это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Деятельность ЕАЭС во главе с Россией в ближайшей перспективе должна быть направлена по трем приоритетным направлениям международного сотрудничества: заключение международных актов и торговых соотношений в рамках компетенций ЕАЭС; развитие различных форм взаимодействия между странами-членами ЕАЭС и заинтересованными правительствами третьих стран на основе принятия меморандумов, проведения переговоров и других мероприятий; формирование позитивного имиджа ЕАЭС как надежного торгового партнера. Создание сети соглашений о свободной торговле с третьими странами – это ключевое направление в торговой политике Евразийского экономического союза, так как такое взаимодействие позволяет уже сейчас сформировать преференциальные условия доступа к европейскому рынку, развивать экспорт в условиях санкций в отношении Российской Федерации.

Библиография

1. Асютина Ю.С., Орлов К.А., Фалалеев А.Н. Процессы глобализации и локализации в контексте постклассической парадигмы // Евразийский юридический журнал. – 2018. – №10. С. 444-448.
2. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52. – № 2. С. 3-29.
3. Глазьев С.Ю. Российская экономика в начале 2020 года: о глубинных причинах нарастающего хаоса и комплексе антикризисных мер // Российский экономический журнал. – 2020. – № 2. С. 3-39.
4. Дугин А. Г. Теория многополярного мира. — М.: Евразийское движение, 2013. — 532 с.
5. Луцкая Е.Е. Государственный долг США: причины бурного роста, последствия для экономики и пути урегулирования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал ИНИОН РАН.- 2019.- № 3. с. 99-104.
6. Люксембург Р. Накопление капитала: Том I и II. — 5-е изд. — М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. — XLIV, С. 258
7. Манахова И.В. Кредитная модель потребления американских домохозяйств // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. - №6. с. 45-60.
8. Масленников А.О. Мировая система биржевой торговли нефтяными фьючерсами: новейшие тенденции // Деньги и кредит. – 2015. - №3. с. 69-72.
9. Орлов К.А. Влияние процессов глобализации и локализации на экономическую безопасность государства // Инновации и инвестиции. – 2018. – №10. С. 47-49.
10. Орлов К.А., Фалалеев А.Н. Локализация экономики: временная тенденция или стратегический шаг // В мире научных открытий. – 2015. – №3.7 (63). С. 3245-3264.
11. Хазин М.Л. Мир на пороге новых времен // Дружба Народов. – 2012. - №7. С. 147-165.
12. Хасбулатов Р.И. Позиция России на новом этапе международной интеграции. М.: Ваш формат. – 2015 – с.34-35
13. Chanda N. Bound Together: How Traders, Preachers, Adventurers, and Warriors Shaped Globalization. — New Haven (Ct.); London: Yale Univ. Press, 2007. — p. 245–254.
14. Smirnov S. et al. (eds.), Business Cycles in BRICS, Societies and Political Orders in Transition — Springer; Switzerland: Cham, 2019. 515 p.

Theoretical foundations of the formation of a multipolar world in the process of developing the policy of economic localization

Kirill A. Orlov

PhD applicant,
Department of trade and marketing,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodny ave., Krasnoyarsk region, Russian Federation;
e-mail: kiryaorlov@yandex.ru

Abstract

The paper shows that according to a significant number of experts, the current state of the world's largest economies is most similar to the state of a recession. The actions of international institutions to bring the world economy out of the crisis were ineffective. In an attempt to understand the causes of crisis phenomena, the authors analyze the works of S. Glazyev and M. Khazin. Having diametrically opposite views on the causes of the crisis, S. Glazyev considers the main reason to be the change in world economic and technological structures, while M. Khazin connects them with the end of capitalism predicted by Karl Marx. Scientists still agree that in the future the picture of the unipolar world order will change to a multipolar one. At the same time, trends towards isolationism in the policies of leading States aimed at protecting their own interests indicate the

presence of barriers and the indisputable role of state regulation, which generally fits into the theory of the multipolar world of the Russian scientist A. Dugin, and also corresponds to the views of foreign theoretical scientists who represent the transformist direction of research on the phenomenon of globalization, in that the process of globalization is accompanied in some sense by a somewhat contradictory process - the localization of the economy. Giving his own definition of the process of economic localization, the author focuses on three stable changes in the world economy, which suggest that the BRICS countries will be points of growth, a new multipolar world is being formed by means of the process of economic localization. In the long term, their territories of influence should form local economic zones (lezs), within which the basic regional currencies will dominate.

For citation

Orlov K.A. (2020) Teoreticheskie osnovy stanovleniya mnogopolyarnogo mira v protsesse razvitiya politiki lokalizatsii ekonomiki [Theoretical foundations of the formation of a multipolar world in the process of developing the policy of economic localization]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 10 (8A), pp. 508-516. DOI: 10.34670/AR.2020.22.75.050

Keywords

Globalization, localization, multipolar world, integration associations, local economic zones (LEZ).

References

1. Asyutina Yu. S., Orlov K. A., Falaleev A. N. Processes of globalization and localization in the context of the postclassical paradigm // Eurasian legal journal. - 2018. - no. 10. Pp. 444-448.
2. Glazyev S. Yu. world Economic patterns in global economic development // Economics and mathematical methods. 2016. - Vol. 52. - No. 2. Pp. 3-29.
3. Glazyev S. Yu. Russian economy at the beginning of 2020: on the deep causes of growing chaos and a set of anti-crisis measures // Russian economic journal-2020, no. 2, Pp. 3-39.
4. Dugin A. G. Theory of the multipolar world, Moscow: Eurasian movement, 2013, 532 p.
5. Iutskaya E. E. us Public debt: reasons for rapid growth, consequences for the economy and ways of settlement // Social and humanitarian Sciences. Russian and foreign literature. Series 2: Economics. Abstract journal of INION RAS. - 2019. - no. 3. pp. 99-104.
6. Luxemburg R. Accumulation of capital: Volume I and II. - 5th ed. - M.-L.: Sotsekgiz, 1934. - XLIV, P. 258
7. Manakhova I. V. Credit model of consumption of American households // USA and Canada: economy, politics, culture. - 2014. - no. 6. pp. 45-60.
8. Maslennikov A. O. World system of exchange trading in oil futures: the latest trends // Money and credit. - 2015. - no. 3. pp. 69-72.
9. Orlov K. A. Influence of globalization and localization processes on the economic security of the state // Innovation and investment. - 2018. - No. 10. Pp. 47-49.
10. Orlov K. A., Falaleev A. N. Localization of the economy: a temporary trend or a strategic step // In the world of scientific discovery. - 2015. - №3.7 (63). P. 3245-3264.
11. Khazin M. L. Mir on the threshold of new times // Druzhba Narodov. - 2012. - no. 7. P. 147-165.
12. Khasbulatov R. I. Russia's Positions at the new stage of international integration. Moscow: Your format. - 2015-p. 34-35
13. Chanda N. related: how merchants, preachers, adventurers, and warriors shaped globalization. New Haven, Connecticut; London: Yale University. Press, 2007, pp. 245-254.
14. Smirnov S. et al. (ed.), business cycles in BRICS, societies and political orders in transition-Springer; Switzerland: Cham, 2019. 515 p.